

УДК 940

НАСЕЛЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ И РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е. Ю. Дубровская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье освещены этнические аспекты взаимоотношений военнослужащих и жителей Великого княжества Финляндского в заключительный период финляндской автономии и во время российской революции 1917 г. Проанализированы взаимные представления, контакты и противоречия, возникавшие между военными и гражданским населением. Это открывает перспективы для изучения проблем политической культуры, военной антропологии, влияния военного фактора на жизнь населения «своей» / «чужой» территории, какой воспринималась Финляндия в Российской империи.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская революция, 1917, военнослужащие, гражданское население, образы, контакты, противоречия.

E. Yu. Dubrovskaya. POPULATION OF FINLAND AND RUSSIAN SERVICEMEN: PROBLEMS OF MUTUAL PERCEPTION DURING WORLD WAR I

The paper throws light upon the ethnic aspects of relations between Russian servicemen and inhabitants of the Grand Duchy of Finland in the final period of Finland's autonomy and during the Russian revolution of 1917. The notions of each other, contacts and contradictions between military men and civil population are analyzed. This opens prospects for the study of political culture and military anthropology problems as well as the impact of the military factor upon the way of life in «Our» / «Their» territory as Finland was perceived in the Russian Empire.

Key words: World War I, Russian Revolution, 1917, servicemen, civil population, images, contacts, contradictions.

Проблема взаимоотношений российских военнослужащих и населения Финляндии как в заключительный период финляндской автономии, так и во время Гражданской войны 1918 г. в ставшем независимым финляндском государстве продолжает привлекать внимание исследователей. На формирование образа автономного в составе Российской империи Великого княжества и представлений российских

военнослужащих о его жителях, прежде всего, повлияла динамика отношения населения к меняющемуся характеру имперского присутствия на этой северо-западной окраине страны в годы Первой мировой войны.

Период 1914–1918 гг. был для России не просто временем внешнего военного противостояния. Война оказала существенное влияние на внутреннюю политику империи, повысив

конфликтность политических, экономических, социальных и этнических отношений. В новейшей историографии подчеркивается качественно новый характер войны, которая потребовала «тотальной» мобилизации внутренних ресурсов для ведения внешних военных действий [Сенявская, 1999; Асташов, 2003; Новикова, 2008].

Великое княжество Финляндское оказалась именно тем регионом на рубежах воюющей империи, где на фоне отсутствия собственно военных действий образовались многочисленные внутренние «фронты». Первая мировая война в Финляндии – это масштабное испытание на прочность как царской империи последнего периода ее существования, так и традиционных методов управления центра зависимыми территориями [Соломеш, 1992; Черняев, 1993; Кетола, 1994; Колоницкий, 2001; Westerlund, 2001; Новикова, 2002; Клинге, 2005; Правилова, 2006; Luntinen, 2008; Юссила, 2009].

Милитаризация внутренней жизни Российской империи в период мировой войны была связана с централизацией внутреннего управления, вызвала конфронтацию между гражданской и военной администрацией, содействовала перенесению образа внешнего врага во внутренние отношения между национальностями государства. Наиболее ярко это проявилось в распространении германофобии. Качественно новый характер войны разрушал традиции имперской политики и уклад имперской жизни. Но особенно неоднозначным оказалось влияние войны на судьбу западных окраин в силу их стратегического положения в зоне противоборства воюющих империй, существовавшей системы «деконцентрированного» управления (вплоть до статуса автономии, как в случае Финляндии), наконец, культурной инаковости, ставшей ведущим фактором в конструировании образа врага в период войны.

В данной работе ставится задача исследовать, как складывались взаимные представления финляндцев и российских военнослужащих в годы Первой мировой войны. Это открывает перспективы дальнейшего изучения роли военного фактора в истории России начала XX в. и исследования особенностей восприятия российских военнослужащих гражданским населением империи. Противопоставление военных себя финляндцам в рамках дихотомии «мы – они» и аналогичное обособление гражданского населения от «человека с ружьем» – представителя чужой культуры – интересно с точки зрения исследования этнических стереотипов, формировавшихся как у военных

и членов их семей, так и у жителей гарнизонных городов Финляндии [Дубровская, 2008].

Обращает на себя внимание весьма острая проблема контактов российских военных с населением Финляндии во время Первой мировой войны. Долгое время российские историки обходили молчанием вопрос о противоречиях, возникавших между военнослужащими и гражданским населением, и о представлениях, складывавшихся у них друг о друге.

Наиболее обстоятельное исследование истории российской армии и флота в Финляндии за более чем вековой период вхождения Великого княжества в состав Российской империи принадлежит П. Лунтинену [Luntinen, 1997]. Монография его соотечественницы О. Каремаа освещает, в частности, восприятие финляндским обществом российского административного и военного присутствия в бывшем Великом княжестве в 1917–1918 гг. [Karemaа, 1999]. Одни историки в соответствии с давней финляндской традицией продолжают называть события зимы – весны 1918 г. «освободительной войной», другие считают войной гражданской или «борьбой классов» [Manninen, 1993; Вихавайнен, 2009. С. 14–24].

Накануне Первой мировой войны основная расстановка сил участников назревавшего в Европе вооруженного противостояния была известна уже многие годы, поэтому Россия заранее стремилась упрочить свою безопасность на финляндском направлении. Однако средства, которыми решалась эта задача, раздражали финнов, и в столкновение стали приходить интересы национального развития Финляндии, с одной стороны, и закономерности имперского развития России, подкрепленные военно-стратегическими и экономическими потребностями империи, с другой [Расила, 1996].

Документы из фондов российских и финляндских архивов, современные исследования по истории российской армии и флота в Финляндии позволяют по-новому взглянуть на круг вопросов, связанных с восприятием рядовыми и офицерами населения княжества – финнов и шведов, проследить за отношением армейцев и флотских чинов к деталям быта и иным аспектам гражданской жизни.

В то же время материалы, обнаруженные в Архиве фольклора Финского Литературного Общества (собрание памятников устной традиции «1918»), дают возможность увидеть российских военных глазами финляндцев, как правило, их младших современников, правда, почти через полувековую толщу времени [SKS KRA]. Эти воспоминания, собранные в 1966 г. в рамках правительственного проекта и объеди-

ненные в коллекцию документов о событиях Гражданской войны в Финляндии, наиболее подробно изучены исследовательницей У.-М. Пелтонен [Peltonen, 2003]. Они привлекались и при подготовке итоговых публикаций по проекту канцелярии Государственного совета Финляндии «Людские потери в Финляндии. 1914–1922» [Venäläissurmat, 1/2004; 2/2004].

Неизменным пунктом предлагавшегося плана для рассказа о событиях, предшествовавших 1918 г., был вопрос о «русских войсках, периоде войны и русской революции». Однако при всей привлекательности этого источника, практически не вводившегося в научный оборот российскими исследователями, приходится учитывать то обстоятельство, что он создавался много позже описываемых событий, когда Финляндия уже прошла через горький опыт войн со своим восточным соседом, и в обществе сформировалась определенная «традиция рассказывания» о «России и русских». Воспоминания о тогдашнем негативном отношении к военным и особенно об участии (своим или своих близких) в акциях «сопротивления завоевателям» применительно к периоду Первой мировой войны нередко содержат преувеличения.

Наряду с множеством свидетельств мемуарного характера, авторы которых делают акцент на явных недостатках русских военных (пьянство, лень, зависть, неблагодарность и т. п.), немало и таких, которые рисуют их образ положительным. Ниже на них остановимся особо.

Столица Великого княжества Финляндского Гельсингфорс (Хельсинки), как и российская столица, был городом, населенным людьми разных национальностей. Помимо русских среди мигрантов из России встречались уроженцы Прибалтийских губерний, поляки, евреи, татары, цыгане, немцы и др., прибывшие сюда вместе с российскими войсками. Русские составляли наиболее многочисленную этническую группу. В конце XIX в. русский православный приход в Гельсингфорсе насчитывал до полутора тысяч чел., в 1910 г. – 2406 чел., из которых «постоянными» местными прихожанами были 513 чел., а 1899 чел. не являлись гражданами Финляндии. В 1900 г. в Великом княжестве Финляндском было 6 тыс. чел. русских, преимущественно живших в Гельсингфорсе и Выборге, что составило не более 0,22 % всего населения Финляндии [Koukkunen, Kasanko, 1977. S. 17; Turpeinen, 1984. S. 27].

Конкретной реальностью периода наступления имперской власти на автономные права Финляндии стал роспуск финляндских нацио-

нальных войск. Задачи защиты территории княжества отныне должны были выполнять исключительно российская армия и флот. После ликвидации национальных вооруженных сил Финляндия в 1905 г. была включена в состав Петербургского военного округа. На ее территории происходило развертывание 22-го армейского корпуса, численность которого первоначально предполагалось довести до 14 тыс. человек. К началу войны она составила 35–40 тыс. человек. Корпус располагался вдоль южного побережья Финляндии [Ошеров, Суни, 1986. С. 63; Соломещ, 1992. С. 20; Расила, 1996. С. 136].

Численность российских подданных в Финляндии к лету 1917 г. достигла 200 тыс. чел., включая 125-тысячный личный состав армейских частей и подразделений, прежде всего, дислоцированного в Финляндии 42-го армейского корпуса, войск пограничной стражи и кораблей Балтийского флота, базировавшихся на финляндские порты [Luntinen, 1997. S. 342; Närhi, 1997. S. 171–172, 180]. Миф финляндцев, представлявший присутствие российской армии и флота в княжестве накануне и в годы Первой мировой войны чуть ли не «оккупацией» Финляндии, находит себе как подтверждение, так и опровержение в воспоминаниях современников.

Региональная политика самодержавия в своем стремлении к политической и экономической интеграции страны вынуждена была учитывать своеобразие Финляндии, этой пограничной территории на северо-западном рубеже империи. На практике это ставило военные власти перед необходимостью знакомить как «традиционного» новобранца, так и призывника-резервиста из российской глубинки с пусть даже самыми общими сведениями об автономной Финляндии, «национальной окраине», которой суждено было стать местом прохождения службы для тысяч рядовых и их офицеров.

К началу Первой мировой войны командование русскими войсками в Финляндии не могло ограничиваться публикацией специальной литературы, информировавшей высший офицерский состав об естественно-географических и тактических особенностях ведения боевых действий на территории княжества. Предпринимается попытка подготовить «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего ее устройства», рассчитанного на унтер-офицерский состав. Автором такого обзорного очерка, изданного ротاپринтным способом, стал ротмистр Ильин [КА, д. 17247, л. 1–24]. К сожалению, точное время его написания установить

не удастся, однако упоминание автором Законов о равноправии русских в Финляндии 1910 и 1912 гг. свидетельствует в пользу того, что очерк был подготовлен незадолго до начала Первой мировой войны.

Подготовка текста, обнаруженного среди документов коллекции «Русские военные бумаги» в Национальном архиве Финляндии, была продиктована необходимостью дать служившим здесь унтер-офицерам некоторые общие представления о Великом княжестве. Автор остановился на таких мало- или совсем неизвестных прибывавшим из России военным вопросам, как население края в древности, период шведского владычества, присоединение Финляндии Россией в результате наполеоновских войн, автономные права Великого княжества в составе Российского государства, административное устройство Финляндии, обязанности Императорского Финляндского сената и сейма, судебная система, городское самоуправление, церковь, высшие и средние учебные заведения, и даже перечислил действовавшие здесь секты.

Примечательны содержащиеся в очерке Ильина упоминания об этнических аспектах жизни сопредельных территорий. Сведения эти различны по характеру – от простой фиксации этнонимов периода средневековья («полудикое финское племя „ямь“» и «полудикое финское племя „кареллы“») до суждений о типичных свойствах тех или иных народов, и прежде всего, о ближайшем этносе-соседе – о финнах. Приводимые им оценки мало отличаются от тех, что встречаются в многочисленной литературе по «финляндскому вопросу», издававшейся накануне войны и изобиловавшей ссылками на враждебное отношение финляндцев к русским, к Православной церкви, к представителям русской армии и власти, к эмблемам имперской власти и пр. Н. Вальтер, в частности, по пунктам перечислял «отрицательные стороны финской жизни», что должно было, по мысли автора, привести читателя к негативному ответу на вопрос «Вправе ли финляндцы гордиться своей культурой перед русским народом?» [Вальтер, 1913. С. 253].

Ротмистр Ильин, сообщая служившим в Великом княжестве унтер-офицерам о «культуре шведов в Финляндии» в период шведского владычества, отметил: «шведы все же старались привить культуру финнам: распространяли христианство, вводили некоторый порядок в управление народа, издавали законы, устраивали суды и т. д., но при этом обставляли дело так, что финны всегда и во всем зависели от своих культурных завоевателей». Из очерка чи-

татели узнавали, что «Швеция, бывшая могущественным государством, не могла хладнокровно смотреть на усиление нашей родины» и тогда «Император Петр Великий решил снова отобрать от Швеции старинные русские земли» [КА, д. 17247, л. 3].

Однако Ильин подчеркивал, что окончательный переход бывшей шведской окраины под власть России, предоставленные ей автономные привилегии, а также «дарование Финляндии прав иметь собственную монету и собственные войска» не снискали «искренней признательности» жителей княжества [КА, д. 17247, л. 3].

Специальный параграф «Неблагодарность финляндцев» повествует о том, что, несмотря на оказанные милости, они притесняли немногочисленное русское население края и не предоставляли ему «никаких прав в то время, когда сами пользовались всеми правами внутри Империи», и не желали «пойти навстречу требованиям правительства, предъявляемым финляндцам для общего с империей блага» [КА, д. 17247, л. 3].

В 1885 г., установив памятники в честь одержанных ими «частичных побед над русскими войсками» во время русско-шведской войны 1808–1809 гг., «...финляндцы, – пишет автор, – бросили оскорбительный вызов всем русскими людям и возмечтали о самостоятельном государстве, внушая всем, что Финляндия связана с Россией лишь в лице Монарха, что она не есть Россия, а отдельное государство, состоящее в унии (в союзе) с Россией». Об этом Ильин упомянул в разделе «Заблуждения финляндцев» [КА, д. 17247, л. 7], где пояснил причины их недовольства деятельностью генерал-губернатора Н. И. Бобрíkова – ревностного проводника централизаторской политики имперской власти – из-за его стремления объединить Финляндию с Империей.

В развернувшихся «боях за память» о последней русско-шведской войне 1808–1809 гг. [Витухновская, 2007] гражданская администрация княжества призвана была взаимодействовать с военными властями. Свидетельство тому – предписание Выборгского губернатора генерал-майора Ф. фон Фалера коронному ленсману (главе местного управления) Суоярвского округа в Восточной Финляндии, направленное в декабре 1913 г. Из документа явствует, что Начальник военных перевозок по железным дорогам и водным коммуникациям полковник Месснер, действительный член Императорского военно-исторического общества, получил поддержку финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна

в организации сбора «необходимых свидетельств о сохранившихся в Финляндии военно-исторических памятниках» для последующего широкого оповещения о найденных материалах. По распоряжению Зейна все губернаторы княжества должны были оказывать Месснеру полное и всестороннее содействие в осуществлении его задачи. В частности, позволить названному офицеру штаба «беспрепятственно проникать во все учреждения и заведения, имеющие какое-либо значение для изучения древних войн», и способствовать ему в исследованиях для подготовки отчета о сохранившихся в Финляндии военно-исторических памятниках [НА РК, ф. 830, д. 14, л. 1].

По поводу принятого центральной властью в мае 1912 г. Закона о равных с финляндцами правах русских граждан в Финляндии, вызвавшего «пассивное» сопротивление внутри финляндского общества, ротмистр Ильин пояснил, что, всячески стараясь воспрепятствовать проведению Закона в жизнь, «пассивисты» отказываются «исполнять работу, так или иначе относящуюся к ненавистному им закону, не вносят фамилии русских в избирательные списки, не разрешают им торговать и т. д.» [КА, д. 17247, л. 11].

Межэтнические противоречия, возникавшие в крае в столь напряженной политической обстановке и ставшие заметной стороной повседневной жизни этносов-соседей, нашли следующее отражение на страницах очерка: «Вот какой монетой финляндцы отплатили и продолжают платить русским за сделанное им Россией добро. Но разберемся, повинен ли перед нами, русскими, вообще весь финляндский народ? По справедливости, всю вину надо сложить только на некоторую часть его, которая подстрекает население Финляндии, во-первых, к неисполнению требований Имперского правительства, а во-вторых, к ненависти против русских... Кто занимает должности чиновников, кто служит в городских самоуправлениях, кто, наконец, является хозяевами банков, кредитных учреждений – конечно, в подавляющем количестве шведы. Все они, состоя вожаками разных политических партий в Финляндии, и восстанавливают остальное население против нас, русских»...» [КА, д. 17247, л. 12].

Официальный Петербург торопился подавить сепаратистские устремления финляндцев, опасаясь перехода Великого княжества под контроль Германии в случае получения независимости или даже расширения автономии [Юссила и др., 1998. С. 95–99]. Эти обстоя-

тельства учитывались при подготовке унтер-офицерского состава российских войск, дислоцированных в крае. Автор «Краткого очерка истории Финляндии» обвинил финляндских шведов в том, что они играли руководящую роль в Шведской народной и Младофинской партиях конституционалистов, а также в организованном после общероссийской политической стачки 1905 г. союзе «активистов» «Voima» («Сила»), который осенью 1905 г. был запрещен финляндским Сенатом по требованию центральной российской власти.

«Не хочется им расставаться с положением главных хозяев края, – писал Ильин, – поэтому они всеми силами и стараются отстоять свои позиции, справедливо рассуждая, что русские не допустят продолжения такой ненормальности». Завершая изложение взглядов военных властей на обстановку, сложившуюся в княжестве, автор отметил: «В последнее время, слава Богу, в среде финнов уже слышатся трезвые голоса в пользу русских, но пока таких голосов, к сожалению, очень мало» [КА, д. 17247, л. 12].

Примечательно руководство, которое должны были усвоить ознакомившиеся с пособием нижние чины унтер-офицерского звания в отношении гражданского населения края: «До того же времени, когда все население Финляндии поймет, что их истинными друзьями могут быть только русские, нам, служащим в этой стране, надлежит стараться показать населению, что мы пришли сюда не для нанесения им обид, а для своего дела, направленного на общую пользу. Поэтому мы в тех немногих случаях обращения к нам за чем-либо финляндцев безусловно обязаны идти навстречу им, однако же не нарушая при этом присяги, долга службы и распоряжений своего начальства. Вот тогда эта северо-западная окраина поймет, кого она должна слушаться, кому повиноваться» [КА, д. 17247, л. 13].

Приведенный красноречивый пассаж свидетельствует о коренном отличии восприятия сложившейся ситуации финляндской общественностью и русским военным командованием. По наблюдению исследователя, для русских в основе «финляндского вопроса» лежали соображения военной и оборонной политики, на национальные проблемы в Петербурге не обращали достаточного внимания, поскольку государственный интерес стоял превыше всего, в том числе и национальных проблем. Между тем «в Финляндии дела рассматривались не с военной точки зрения, и здесь отнюдь не опасались за безопасность российской столицы. Для финнов было важно все, что затрагивало финскую национальность и право на нацио-

нальное самоопределение» [Расила, 1996. С. 133]. В таких обстоятельствах находившиеся в Финляндии российские войска не только становились средством проведения политики центральных властей, но и неизменно оказывались заложниками политических амбиций сторон, что особенно проявилось в годы Первой мировой войны [Башмакофф, Лейнонен, 1990. С. 6–12; Мусаев, 2007. С. 53–105; Новикова, 2008. С. 193–199; Baschmakoff, 2010. С. 260–261].

Пришедшее вслед за Февральской революцией 1917 г. время бесконтрольной «свободы» вовсе не стало главным ускорителем разложения в армии [Булдаков, 1997. С. 126]. В тыловых гарнизонах финляндского княжества и на балтийских военно-морских базах, удаленных от театра военных действий, бытовая распущенность, пьяные дебоши и вызывающее поведение по отношению к местному населению не только рядовых военнослужащих, но и офицеров сделали частым явлением задолго до событий весны 1917-го.

О событиях такого рода сообщалось в рапортах гельсингфорсского полицмейстера финляндскому генерал-губернатору. Примеры содержатся и в «Справке о бывших в Финляндии в 1915 г. происшествиях, в коих были замечены чины флота Балтийского моря» [КА, «ККК» Hd 102]. В числе подобных нарушений в документе описан скандал, случившийся в начале мая 1915 г. в одном из гельсингфорсских ресторанов. Подвыпивший прапорщик Нежилов был раздражен тем, что студент Коскинен находился в зале ресторана в фуражке, и за это ударил студента «кулаком по лицу, а затем нанес оскорбление действием торговцу Лилиусу», попытавшемуся пояснить, что «студенты по старой традиции в день получения фуражек носят их и в комнате».

Причиной, вызвавшей своего рода «культурный шок» сторон, стала полная неосведомленность служивших в Финляндии военных о традициях, обычаях и особенностях народа, населявшего Великое княжество. В данном случае о давнем студенческом обычае носить, особенно в первые дни мая, студенческую фуражку – *lakki*-, составлявшую предмет гордости удостоившихся ее. Сохранились сведения об инцидентах в Гельсингфорсе и Або, виновниками которых оказались «находившиеся в состоянии сильного опьянения» флотские офицеры, угрожавшие то револьвером, то обнаженным кортиком, бесчинствовавшие в ресторанах, гостиницах и частных домах финляндцев, «беспокоившие публику в скверах» и даже

открывавшие стрельбу по мирным жителям [КА, «ККК» Hd 102].

Поскольку об отношении российских военных к гражданскому населению Финляндии нами уже было подготовлено несколько публикаций [Дубровская, 2003, 2004, 2008. С. 57–77], представляется целесообразным подробнее остановиться на обнаруженных в финноязычных свидетельствах упоминаниях очевидцев об особенностях восприятия финляндцами «сынов востока», оказавшихся в княжестве по долгу службы.

В начале 1917 г., когда в Гельсингфорсе по карточкам отпускались хлеб, масло, сахар, обеспечение продуктами русских военнослужащих и их семей велось строго через интендантство соответствующих частей и подразделений. Однако у жителей княжества сохранялось устойчивое представление о том, что «русская армия их объедает», что отчасти основывалось на печальном опыте проводившихся в военное время реквизиций. Ежемесячная реквизиция у крестьян около 6000 голов скота вела к его истреблению, а значит, к резкому сокращению молочных продуктов на столе рядового финского потребителя [Тиандер, 1917. С. 66–69].

Между тем, как рассказывал один из жителей губернии Ваза (Вааса), в местах расквартирования частей солдаты сами доставляли себе провизию, у них всегда были привозная пшеничная мука и сахар. Другой старожил вспоминал о том, как «однажды в пост русские дали ему пшеничную муку». По мере обострения продовольственных трудностей люди стали часто ездить по окрестностям, с тем чтобы обменять мыло на хлеб. Некоторые горожане везли с собой масло с целью поменять его на муку у военных. Житель прихода Лиллкюро Э. Ханнунен «общался с русскими почти ежедневно», а в детстве часто бывал у них в казармах, располагавшихся в центре села. По его словам, «до революции к стоявшим здесь военным относились с пониманием, сохранялось естественное общение и никто не отзывался о них плохо», «никакой ненависти и скандалов никогда не было» [Heikkinen, 1999. S. 27]. К тому же здесь служили эстонцы и ингерманландцы, которые могли общаться с населением по-фински, а в деревне Куриikka размещался целый отряд велосипедистов (самокатчиков), полностью состоявший из эстонцев.

Когда в Финляндии стал ощущаться дефицит сахара, местное население, по словам автора воспоминаний, «умея себя вести», всегда могло приобрести его у русских [Heikkinen, 1999. S. 28]. Сахар, в частности, служил сред-

ством оплаты жителям деревень за предоставленную возможность помыться в бане.

Уроженец местечка невдалеке от г. Пори (Бьернеборг) вспоминал, как в один из мартовских дней 1917 г. из города в их деревню прибыла казачья сотня, после чего человек семьдесят казаков регулярно ходили к ним в баню вместе с переводчиком – кавалеристом Федоровым. «Против них ничего не могу сказать плохого. Они всегда расплачивались сахаром, приносили его в наволочке, правда, не безупречно чистой, – пишет Эйнар Палмунен о своих впечатлениях (ему было тогда 14 лет). – Как-то раз мама забыла золотое кольцо на комод в комнате, где рядовые одевались и ожидали после сауны кофе, а среди них был и такой, кого мы видели впервые». После ухода военных колечко обнаружилось на прежнем месте, что дало основание автору воспоминаний сделать наблюдение, противоречащее расхожему стереотипу: «значит, честность была присуща и им» [SKS KRA, Side 22: 105–106].

По воспоминаниям финнов из приютнических приходов, солдаты каждый день пекли хлеб и приглашали к столу тех, кто к ним заглядывал, и обижались, если от приглашения отказывались. «Многие считали их еду хорошей и хвалили её». Э. Палмунен пишет о том, как в детстве пил чай в казарме, и о поставленном тогда рекорде в шесть стаканов, как угощался солдатским супом, хотя и «на воде для умывания». Однажды офицер заказал ему набрать грибов, но заказ оказался неудачным: жители деревни собирали грибы только для компостных куч, и принесенная корзина оказалась напрасной. Никто из односельчан не умел их приготовить, и день «оказался потраченным впустую» [SKS KRA, Side 22: 108; Heikkinen, 1999. S. 27].

Э. Палмунен также запомнил красивые сапоги, сшитые ему русским казаком, с которым договорились жестами: ведь «в деревне было трудно найти сапожника, а в этих я щеголял еще призывником в 1923 году». Правда, по расчетам отца Эйнара, получить остаток кожи он должен был, а сапожник все-таки не вернул остаток, «но и то хорошо», – заключает автор воспоминаний [SKS KRA, Side 22: 108].

В январе 1918 г., во время вспыхнувшей в Финляндии гражданской войны, знакомых Э. Палмунену казаков вывезли поездом в направлении Пейпохья. В его детской памяти сохранились подробности этих событий. «Та группа русских, которая ходила к нам в баню, перед отправкой пришла еще раз – попрощаться и поблагодарить за гостеприимство, как требуют правила хорошего тона». Автор воспоминаний, конечно же, далек от того, чтобы идеализиро-

вать своих русских приятелей. По его словам, последний приход в казармы православного священника с целью «причастить» отъезжающих (такие действия вне храма в пересказе человека иной конфессиональной принадлежности сами по себе вызывают сомнение) завершился тем, что «все оказались пьяны вдребезги, не исключая батюшки». По заключению Палмунена, писавшего воспоминания в пожилом возрасте, причиной этого стало снижение у казаков дисциплины: к тому времени их сотня была уже «большевистски настроена».

Мотив падения дисциплины в среде военных, ставшего очевидным только после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде, довольно распространен в воспоминаниях и соотносится с устоявшимся представлением финляндцев о том, что и как нужно вспоминать об Октябрьской революции. «Следует отметить, что ухудшение дисциплины не было непосредственным результатом Февральской революции 1917 г., – пишет автор воспоминаний, – лишь когда большевики пришли к власти, это ухудшение стало явным». По свидетельству Э. Палмунена, его семья получила от переводчика Федорова разъяснения о настроениях в казармах: «говорили, что „буржуев“ надо ликвидировать». Неудивительно, что такое «изменение настроений солдат» повлияло на «общую обстановку в деревне».

Однако и в первые годы войны отношения финляндцев с российскими военными складывались непросто. В Финляндию в составе армейских частей попадали представители этносов, прежде совершенно незнакомых местному населению, внушавшие поэтому опасения и часто отождествлявшиеся с военнослужащими казачьих частей. Жившая в Выборге Лемпи Ванханен вспоминает о прибытии в район местечка Ямса «множества киргизов и лошадей», она пишет о казаках, плясавших вприсядку и удивлявших местных жителей джигитовкой и игрой на балалайке. Уроженка финляндской столицы Анни Йортиikka упоминает о построенных в Гельсингфорсе (Хельсинки) больших казармах, которые, как говорили, предназначались «для киргизов, очень грозных казаков». А на следующее лето «в город привезли китайских солдат, которых разместили где-то в лагерьях, в районе нынешнего крематория в Хие-таниеми» [SKS KRA, Side 41: 95]. Хейкки Хови из-под Выборга запомнил, что в начале 1915 г. в их местность прибыл «русский саперный батальон для строительства укреплений, состоявший из татар и калмыков».

Этнолог А.-М. Острём опубликовала детские воспоминания финляндских шведов,

живших в Гельсингфорсе в начале XX столетия. В них встречаются рассказы то о «русских казаках», внезапно промчавшихся по городскому парку «на своих небольших лошадях» к ужасу нянечек, вышедших с детьми на прогулку, то о русских мороженщиках, у которых ребятам покупали «первомайское мороженое», помещавшееся «между двух вафель», или о том, что во время Первой мировой войны «мама шила белье для русской армии» [Åström, Sundman, 1990. S. 71, 146, 196].

Порой у жителей финляндского княжества возникали конфликты с казаками, ведь «сначала те считали, что пришли во вражескую страну», однако «вскоре под воздействием своего начальства стали вести себя пристойно». В дальнейшем отношения населения и русских «были мирными»: местные жители «не хотели иметь дел с саперами и казаками», однако кое-кто из женщин с ними общались, поскольку «позже в нашем приходе появились казачата», – вспоминает выборжанин Хейкки Хови [SKS KRA, Side 4: 175–176, 179].

Между военными и местными жительницами было заключено несколько браков, но более распространенными были кратковременные связи – явление, получившее название «русские невесты» и становившееся в коммунах серьезной проблемой. По воспоминаниям жителей прихода Лиллкюро губернии Ваза, каждое воскресенье в деревне устраивали танцы, где «девушки весьма грубо обращались с русскими», в частности, и из-за того, что в Лиллкюро «после них осталось несколько младенцев» [Luntinen, 1997. P. 407; Heikkinen, 1999. P. 27, 29–30].

Языковой барьер не позволял контактам между местными жителями губернии Ваза и находившимися в Эстерботнии военными выходить за рамки элементарных бытовых отношений, хотя сохранились свидетельства о том, что в некоторых коммунах русские обычно приглашали финнов и шведов на свои праздники «с песнями и музыкой» [Nykvist, 1988. S. 115]. В финляндской провинции, вдалеке от крупных городов, где не было большого скопления военных, политические баталии, разворачивавшиеся в столичной прессе Великого княжества, не влияли на повседневную жизнь сельского населения и не сказывались на взаимоотношениях местных жителей и военнослужащих.

Примечательно свидетельство родившегося в 1907 г. Эррки Утила о настроениях его земляков в период гражданской войны: «В Финляндии повсюду проявлялось колебание, когда пришли русские. Одни в душе идеализировали их как пришедших освободителей, не

было никакого единого мнения. Другие их ненавидели». И лишь когда началась Зимняя война 1939–1940 гг. «все объединились в братском единодушии» [SKS KRA, Side 52: 93].

По воспоминаниям уроженки Выборга Эстер Ойнонен, которая в 1917 г. двадцатилетней девушкой работала няней у детей городского судьи и проживала в его семье, в городе «...было много русских солдат, которым одни симпатизировали, другие их ненавидели». Примечательно пояснение, сделанное автором воспоминаний: «В особенности финские служанки любили исключительно их, потому что на внешность они были красивые, подтянутые, и вежливые, обходительные. Я, конечно, не собиралась с ними общаться, ведь у них были жены и дети в России, а многим девушкам пришлось плохо, когда эти отношения закончились» [SKS KRA, Side 22: 1].

Рассказчица упоминает и об одной из «стратегий выживания», к которым в 1918 г. приходилось прибегать ее хозяйке, если в Выборге устанавливалась власть «красных» или «белых» финнов. «...Стали ходить слухи, что в России была революция и там к власти пришли коммунисты, они стали помогать потом финским „пуники“ [презрительное название так называемых «красных финнов». – Е. Д.], и те захватили власть, так что жизнь была совсем как мельница». Обыватели «прицепляли на грудь красные бантики, опасаясь мести „пуники“, или же сине-белые вместо них, смотря кто победил. И в семье этого судьи хозяйка всегда по обстановке меняла нам, служанкам, такие значки» [SKS KRA, Side 22: 2].

И военнослужащие, и финляндцы проявляли осведомленность о неотъемлемых для подобной ситуации клишированных жестах. Красный бант в этом контексте выполнял присущую политическим символам функцию маркировки «своего» пространства, передачи информации и, наконец, установления контактов между единомышленниками. Аналогичную смысловую нагрузку нес и «альтернативный» бант, сочетавший цвета национального флага независимой Финляндии.

В заключение следует отметить, что изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных, служивших в Финляндии, социально-нравственных норм и представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах) позволяют представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружье и на себе испытывав-

ших воздействие модернизационных процессов в вооруженных силах России.

Факты межэтнических конфликтов между российскими военными и населением бывшего Великого княжества Финляндского не позволяют довольствоваться идиллической картиной «классовой солидарности русских солдат и матросов с революционным финляндским пролетариатом», которая долгое время рисовалась в отечественной исторической литературе. В первые годы войны как армейцы, так и моряки балтийских военно-морских баз не только становились средством проведения политики имперских властей, но оказывались заложниками политических амбиций центра и национальной финляндской элиты.

Однако, делая акцент на конфликтах и противоречиях между военнослужащими и финляндцами в период российской революции 1917 г., следует избегать другой крайности – отрицания всякого взаимодействия между ними. Преодоление «перекосов» такого рода позволяет уйти из-под влияния новых мифов и стереотипов в отечественной историографии, пришедших на смену старым.

Источники и литература

Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.

Башмакофф Н., Лейнонен М. Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia VII* / Eds. V. Melanko, A. Mustajoki, E. Peuranen. Helsinki, 1990. 100 с.

Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Вальтер Н. Изнанка финляндской культуры: Материалы для очерка финляндских нравов. СПб., 1913.

Вишавайнен Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. 27 с.

Витухновская М. А. «Битва монументов»: русско-шведские войны в национальной памяти империи и Великого княжества // Историческая память и общество в Российской империи и в Советском Союзе (конец XIX – начало XX века). Междунар. colloquium. Науч. докл. СПб.: Европейский дом, 2007. С. 48–58.

Дубровская Е. Ю. Письма российских военнослужащих в Финляндии периода первой мировой войны // Скандинавские чтения 2002 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Наука, 2003. С. 465–476.

Дубровская Е. Ю. Финляндия и финляндцы в представлениях российских военнослужащих в годы первой мировой войны // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 239–262.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. 128 с.

Кетола Э. Русская революция и независимость Финляндии // *Анатомия революции*. 1917 год в России: массы, партии, власть / Ред. В. Ю. Черняев. СПб.: Глагол, 1994. С. 294–307.

Клинге М. Имперская Финляндия: [Пер. с фин.]. СПб.: Изд. дом «Коло», 2005. С. 545–588.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года / Ред. В. Ю. Черняев. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 349 с.

Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е годы). СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. 484 с.

Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НА РК).

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: СПбГУ, 2002. 300 с.

Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны: от автономии к независимости // *Война и общество в XX веке*. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / Ред. С. В. Листиков. М.: Наука, 2008. С. 186–321.

Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск: ПетрГУ, 1986. 76 с.

Правилова Е. А. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах 1801–1917 / Ред. И. Жданова. М.: Нов. изд-во, 2006. 456 с.

Расила В. История Финляндии / Ред. Л. В. Суни. Петрозаводск: ПетрГУ, 1996.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. 90 с.

Тиандер К. Финляндия и Россия. Петроград, 1917.

Черняев В. Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.

Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917: [Пер. с фин. под ред. А. Ю. Румянцева]. Хельсинки: Ruslania, 2009. С. 740–770.

Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–1995. М.: Весь Мир, 1998. 384 с.

Baschmakoff N. Динамика локального пространства: репрезентации Карельского перешейка на переломе XIX–XX вв. в мемуарных текстах // *Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts* / Eds. P. Suutari, Yu. Shikalov. Jyväskylä; Kikumora Publications. Aleksanteri Series 3/2010. P. 250–265.

Heikkinen S. Den Ryska soldatsken och Österbottningarna // *Blod på drivan: Händelserna 1917–1918 ur ett östrbottniskt perspektiv* / Red. M. Koskimies-Envall. Vasa, 1999. S. 25–36.

Kansallisarkisto (в тексте – KA).

Karemaa O. Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: venäläisviha 1917–1923. Helsinki: SKS Toimituksia 1998. 221 s.

Koukkunen H., Kasanko M. Helsingin ortodoksinen Seurakunta 1827–1977. Helsinki, 1977.

Turpeinen O. Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900 // *Venäläiset Suomessa 1809–1917 / Toim. P. Kurkinen.* Helsinki: Finnish Historical Society, 1986. S. 21–28.

Luntinen P. Sota Venäjällä – Venäjä sodassa. Helsinki: SKS, 2008. P. 405–462.

Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: Finnish Historical Society, 1997.

Manninen O. Kapina, kansalaissota, vapaussota // *Itsenäistymisen vuodet 1917–1920. 2 osa / Toim. O. Manninen.* Helsinki: Valtionarkisto, Painatuskeskus, 1993. S. 10–21.

Nykvist N. Aktivism och passivt mätstand i södra Svenskösterbotten 1899–1918. Vasa, 1988.

Närhi M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana // *Venäläiset Suomessa 1809–1917 / Toim. P. Kurkinen.* Helsinki: Finnish Historical Society, 1997. S. 161–180.

Peltonen U.-M. Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki: SKS, 2003. 330 s.

Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunous Arkisto (в тексте – SKS KRA).

Venäläissurmat Suomessa 1914–1922. Osa 1: Sotatapahtumat 1914–22 / Toim. L. Westerlund. Helsinki: Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja, 1/2004. 283 s.

Venäläissurmat Suomessa 1914–1922. Osa 2: Sotatapahtumat 1918–22 / Ed. L. Westerlund. Helsinki: Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja, 2/2004. 285 s.

Westerlund L. Suomen portti. Poliitikka ja hallinto Varsinais-Suomessa vuosina 1809–1917. Jyväskylä: Gummerus, 2001. S. 221–247.

Åström A.-M., Sundman M. Hemma Bäst. Minnen från barndomshem i Helsingfors. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 1990. 240 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Дубровская Елена Юрьевна

старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: dubrovskaya@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 577758

Dubrovskaya, Elena

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: dubrovskaya@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 577758